

Научная статья

УДК 343.973

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБНАЛИЧИВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Марсель Саримович Дулкарнаев^{1,2}

¹ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, г. Казань, Россия, MSDulkarnaev@kpfu.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Вопрос противодействия незаконному обналичиванию денежных средств остается насущным из-за устойчивого воспроизводства таких практик при любых институциональных изменениях. Подобные операции сокращают налоговые поступления, искажают конкурентную среду, подменяют достоверную отчетность и затрудняют установление предикатных преступлений. На разных исторических этапах их подпитывали ограниченность легальных каналов расчетов, регуляторные разрывы переходных периодов, высокие издержки соблюдения законных требований и особенности платежной инфраструктуры. Цифровизация финансов, удаленная идентификация и появление новых посредников усилили эти тенденции, а в 2022–2025 годах к ним добавились валютные ограничения и перестройка трансграничных платежей. В центре внимания правоохранительных органов остается разграничение добросовестной хозяйственной деятельности и криминальной активности, конкуренция норм, а также корректная оценка бестоварных операций и фиктивных услуг. Ретроспективный подход позволяет связать институциональные перемены с эволюцией используемых схем, определить разумные пределы уголовно-правового вмешательства и проследить становление социально-правовой обусловленности противодействия поведению, уже давно демонстрирующему не просто противоправный, а действительно общественно опасный характер.

Ключевые слова: незаконное обналичивание, денежные средства, финансовые операции, историко-правовой подход, уголовный закон, противодействие, общественная опасность, противоправность

Для цитирования

Дулкарнаев М. С. Генезис социально-правовой обусловленности противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 631–638. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638.

© Дулкарнаев М. С., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

THE GENESIS OF THE SOCIO-LEGAL CONDITIONALITY OF COUNTERING ILLEGAL CASH WITHDRAWAL

Marcel Sarimovich Dulkarnaev^{1,2}

¹ The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, MSDulkarnaev@kpfu.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The issue of countering illegal cash withdrawal remains urgent due to the steady reproduction of such practices under any institutional changes. Such operations reduce tax revenues, distort the competitive environment, substitute reliable reporting and make it difficult to establish predicate crimes. At various historical stages, they have been fueled by the limitations of legal payment channels, regulatory gaps in transition periods, high costs of complying with legal requirements, and the specifics of the payment infrastructure. The digitalization of finance, remote identification, and the emergence of new intermediaries have reinforced these trends, with currency restrictions and the restructuring of cross-border payments added in 2022–2025. The focus of attention of law enforcement agencies remains the distinction between bona fide economic activity and criminal activity, competition of norms, as well as the correct assessment of commodity-free transactions and fictitious services. The retrospective approach makes it possible to link institutional changes with the evolution of the schemes used, to determine the reasonable limits of criminal law intervention and to trace the formation of the socio-legal conditionality of countering behavior that has long demonstrated not just illegal, but truly socially dangerous.

Keywords: illegal cashing, money, financial transactions, historical and legal approach, criminal law, counteraction, public danger, illegality

For citation

Dulkarnaev, M. S. 2025, 'The genesis of the socio-legal conditionality of countering illegal cash withdrawal', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 631–638, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638

С учетом отсутствия в действующем уголовном законодательстве не только интерпретации интересующего нас категориального аппарата, но и специализированных норм, посвященных ответственности за соответствующее делинквентное поведение, представляется методологически оправданным обозначить, что в исследовании под незаконным обналичиванием денежных средств понимается противоправное превращение безналичных финансовых активов в наличную форму с сокрытием действительно происхождения, экономического смысла и дальнейшего использования полученных материальных ценностей. На практике это достигается за счет фиктивных договоров, мнимых актов приемки, бестоварных расчетов, искажений бухгалтерского учета, а также эксплуатации номинальных структур, в результате чего денежные средства выводятся

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

из «прозрачного оборота» и используются вне установленных правил учета, налогообложения и контроля.

Выбранный ретроспективный подход к раскрытию социально-правовой обусловленности противодействия подобному феномену обусловлен тем, что способы извлечения наличности трансформировались вместе с устройством экономики и формами государственного контроля, то есть сквозь призму генезиса соответствующих процессов становится возможным проследить и становление не только отдельных аспектов общественной опасности обозначенного деяния, но и политической воли государства в части реагирования на его влияние на соответствующие экономические отношения. В то же время нельзя не подчеркнуть, что динамичная и периодическая смена каналов, способов и посредников на протяжении всего времени зарождения и развития исследуемого явления наблюдается напротив вполне стабильных и устойчивых мотивационных факторов, которыми практически всегда выступают стремление минимизировать обязательные платежи, сохранить анонимность расчетов и финансировать запрещенную деятельность.

До революционных преобразований хозяйственный уклад, как отмечается в гуманитарной доктрине, длительное время сохранял патримониальные особенности, при которых властные и имущественные интересы были тесно связаны [1, с. 24]. В таких условиях рыночная конкуренция и прозрачность расчетов формировались медленно, а внеучетные формы оборота материальных ценностей воспринимались как вполне привычное явление. Отсутствие четких механизмов контроля за денежным обращением создавало необходимую почву для того, чтобы узаконенные процедуры могли соседствовать с девиантными практиками, по существу, подменявшими их. Тем самым формировались базовые детерминанты для злоупотреблений, в рамках которых практически не прослеживалась потребность в правовом разграничении законной хозяйственной деятельности и противоправного извлечения наличности.

После 1917 г. перестройка имущественного порядка, отказ от частной собственности в ключевых секторах и переход к централизованному распределению ресурсов сопровождались изменением легальных каналов расчетов¹. Дополнительным элементом стало установление государственной монополии на банковское дело, что радикально изменило контуры денежного обращения и механизмы получения материальных средств в твердой форме², в результате чего формализованные процедуры выдачи наличности и концентрация корреспондентских расчетов сократили пространство для частноправовых схем, но одновременно с этим выступили катализатором использования относительно неучтенного и соответственно неподконтрольного оборота. Тем самым были заложены структурные предпосылки для последующих форм документального маскирования превращения безналичных сумм в наличные.

Отдельного внимания заслуживает период военного управления экономикой 1918–1921 гг., в рамках которого карточное распределение и широкое применение натуральных расчетов объективно снижали значение безналичных платежей, в то время как наличные деньги сохраняли роль универсального эквивалента, функционирующего на всех уровнях, в том

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² См.: О национализации банков : декрет ВЦИК РСФСР от 14 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

числе и вне системы. Вместе с тем ограниченность легальных каналов и многообразие внеучетных сделок формировали практику вывода средств из прозрачного оборота и их использование без отражения в отчетности. При этом нормативным маркером обозначенной эпохи выступил Декрет о продовольственной разверстке, провозгласивший приоритет вне рыночных распределительных инструментов¹. В совокупности это приводило к тому, что наличность становилась удобным средством финансирования параллельных операций, не проходящих по официальной отчетности, что, по сути, предвосхищало ключевую мотивацию исследуемого делинквентного поведения.

В период новой экономической политики государство допустило ограниченную частнохозяйственную активность, что получило закрепление в гражданском законодательстве, в том числе в нормах о сделках и собственности². Уточнение статуса договоров и вещных прав придало легитимные формы расчетам, но при одновременной сохранности административных барьеров стимулировало поиск способов сокрытия реального содержания операций. В этой среде укрепилась практика фиктивного документооборота и бестоварных расчетов, служивших непосредственным инструментом превращения безналичных сумм в наличные вне «прозрачного учета».

Сворачивание НЭПа сузило легальные возможности частной инициативы, однако сформированные у заинтересованных субъектов внеправовые навыки выступили основой для поиска новых путей для реализации возможностей, которые открывал интересующий нас феномен. Тем не менее в следующие десятилетия государство последовательно усиливало кассовую дисциплину и проводило денежные преобразования, что не позволяет оценивать этот период в качестве благоприятного для соответствующей криминальной деятельности, в то же время именно он выступает отражением политической воли, стремящейся ограничить неконтролируемый оборот материальных активов и минимизировать все его негативные последствия. Так, реформа 1947 г. упразднила карточную систему и сократила избыточную наличную массу, что повлекло за собой жесткое нормирование выдачи наличности и переход к более строгому учету кассовых операций; реформа 1960–1961 гг. изменила масштаб цен и правила пересчета, унифицировала документы и процедуры отражения наличных расчетов³. Для практик противоправного извлечения наличных это означало сужение примитивных способов неучтенного расходования и одновременное расширение «переходных окон»: завышение смет, фиктивные акты и ложные основания для снятия подотчетных сумм стали использоваться для обхода установленных ограничений, что структурно приблизило такие схемы к их более современным формам.

В позднесоветский период подобные практики приспособились к плановой модели и регламентированному распределению финансовых ресурсов. Жесткие лимиты расчетов, дефицит оборотной ликвидности и сложные процедуры согласований подталки-

¹ См.: О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства : декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 11 января 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 1. Ст. 10.

² См.: О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ См.: О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары : постановление Совмина СССР, ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. № 4004 // СП СССР. 1948. № 1. Ст. 1; Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами : постановление Совмина СССР от 4 мая 1960 г. № 470 // Там же. 1960. № 10. Ст. 69.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вали заинтересованных лиц к совершенствованию устоявшихся криминальных методик, в результате чего сформировалась распространенная схема: завышенные сметы, подложные акты, фиктивные основания для выдачи сумм под отчет и их последующее расходование не по назначению. В свою очередь, системные требования кассового порядка фиксировались профильными актами Госбанка СССР¹, которые устанавливали лимиты кассы, порядок ведения кассовых книг и отчетности, что и порождало обход через фиктивные авансовые отчеты и документально оформленные, но экономически необоснованные выдачи наличности, что, по сути, и соответствовало содержанию исследуемого феномена.

С разворотом перестройки и кооперативного движения на рубеже 1980–1990-х годов появились новые организационно-правовые формы, элементы хозрасчета и либерализация внешнеэкономических операций. Важным нормативным индикатором либерализации стал Закон о кооперации², усиливший развитие договорных форм отношений и расширивший круг их участников, что также способствовало расширению возможностей для формальных сделок без реального содержания: кооперативы и иные субъекты нередко выступали номинальными посредниками, через которых строились короткие цепочки переводов с последующим снятием сумм наличными под видом расчетов с контрагентами.

Нормативным фоном обозначенного периода выступали базовые акты банковского права переходной эпохи, прежде всего Закон о банках и банковской деятельности³. Разрешение многоканального банковского обслуживания и стремительный рост числа кредитных организаций стимулировали открытие множества счетов, транзитные операции и распределение потоков между номинальными структурами, в результате чего незаконное обналичивание быстро стало одним из основных каналов ухода от налогов, оплаты неучтенного труда, а также финансирования коррупционных выплат и иной криминальной деятельности, что формировало качественно новый уровень угрозы, выражающейся в дестабилизации законного оборота денежных средств и государственной экономической системы в целом. С учетом этого в обозначенных временных рамках начинает прослеживаться вполне отчетливый политико-правовой курс на усиление мер контроля соответствующей деятельности. В частности, XXI век ознаменовал собой существенное развитие финансового мониторинга, что сопровождалось усилением и конкретизацией требований к идентификации клиентов и прослеживаемости расчетов, а также расширением обязанностей организаций финансового рынка. В данном ключе особая роль отводится принятию Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴, в результате чего простые схемы по незаконному обналичиванию стали чаще заменяться многоступенчатыми цепочками с дроблением платежей и использованием

¹ См.: Порядок ведения кассовых операций в народном хозяйстве : утвержден постановлением Госбанка СССР от 8 августа 1991 г. № 2 // Экономика и жизнь. 1991. № 34.

² См.: О кооперации в СССР : закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

³ См.: О банках и банковской деятельности : закон РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

⁴ См.: О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33. Ч. 1. Ст. 3418.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

номинальных лиц, что снижало прямую обозримость и повышало доказательственные требования к установлению предикатности.

Существенное значение в вопросе обеспокоенности государства развитием соответствующей делинквентной активности имел пакет законотворческих инициатив 2013 г. о противодействии незаконным финансовым операциям¹, а также положения Банка России о внутреннем контроле и переводах денежных средств². В совокупности данные акты усилили риск-ориентированный подход, расширили перечень оснований для отказа в совершении операции и для расторжения договоров банковского счета при выявлении признаков подозрительных действий, что в контексте незаконного обналичивания выразилось в смещении акцента к более сложным документальным комбинациям, включающим в себя фиктивные договоры, цепочки взаимозачетов и ускоренные транзитные проводки перед снятием наличности.

Параллельно массовое внедрение онлайн-касс и механизмов прослеживаемости расчетов в розничном звене снизило потенциал «растворения» снятых сумм через потребительские платежи. Нормативная база складывалась вокруг Закона № 54-ФЗ и его реформы 2016 г.³, а также постановлений Правительства о национальной системе прослеживаемости⁴. Введение передачи фискальных данных в режиме, близком к реальному времени, и контроль соответствующего оборота ограничили схемы, в которых ранее наличность «легализовывалась» как выручка. Ответной адаптацией стал перенос акцента на фиктивные услуги и работы, а также на сделки с объектами, не подпадающими под установленный механизм контроля. В то же время к цифровизации финансовых услуг добавилась широкая практика удаленной идентификации. Поправки о единой биометрической системе⁵ упростили дистанционное открытие счетов и заключение договоров банковского обслуживания. Это дало экономический эффект для добросовестного оборота, но одновременно облегчило создание номинальных структур: «массовые» анкеты, кратко живущие счета и дробление платежей начали применяться

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26. Ст. 3207.

² См.: О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П // Вестник Банка России. 2012. № 20; О правилах осуществления перевода денежных средств : положение Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П // Там же. № 34.

³ См.: О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации : федер. закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 21. Ст. 1957; О внесении изменений в Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 290-ФЗ // Там же. 2016. № 27. Ч. 2. Ст. 4223.

⁴ См.: Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 2021 г. № 1108 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28. Ч. 2. Ст. 5536; Об утверждении перечня товаров, подлежащих прослеживаемости : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 2021 г. № 1110 // Там же. Ст. 5538.

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : федер. закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1. Ч. 1. Ст. 66.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

как элементы схем, нацеленных на последующее снятие наличности при ослабленном личном контроле со стороны организатора.

Нельзя не отметить и 2022 год, когда на первый план в рамках исследуемой проблематики вышли санкционные ограничения и перестройка трансграничных потоков, что повлекло за собой необходимость фиксации мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности¹. Ужесточение валютного контроля, ограничения на операции с иностранной валютой и вывоз капитала изменили маршруты платежей и повысили издержки прямого вывода средств, в результате чего схемы незаконного обналичивания стали чаще использовать расчеты через третьи юрисдикции, имитацию внешнеторговых поставок и сложные комбинированные транзакции, маскирующие момент преобразования гражданско-правового статуса денежных средств.

В вопросе социально-правовой обусловленности противодействия интересующей нас делинквентной активности безусловное значение придается не только механизму соответствующей деятельности, но и содержанию того вреда, который причиняется охраняемым общественным отношениям. Противоправное превращение безналичных сумм в наличные снижает поступления в бюджет, нарушает равенство условий хозяйствования, искажает картину денежных потоков и усложняет выявление предикатных преступлений, благодаря чему формируется комплексный эффект дестабилизации экономики: страдает фискальная система, нарушается конкуренция, подрывается достоверность бухгалтерской отчетности, снижается эффективность контроля за легальностью источников доходов. В обозначенных условиях уголовно-правовая реакция не может считаться произвольной репрессией, поскольку она направлена на защиту публичных интересов и на пресечение поведения, объективно представляющего опасность для государственной экономической системы и финансовой стабильности общества. С учетом этого представляется целесообразным заключить, что историческая линия развития практик извлечения наличности из безналичного оборота демонстрирует устойчивую устойчивость явления при смене экономических режимов. Когда трансформировались правовые оболочки и технические приемы, социальная природа спроса на соответствующие услуги оставалась неизменной. Вследствие этого противодействие должно выстраиваться как часть более широкой системы мер, включающей в себя не только совершенствование организационных процедур и контроля, но и формирование адекватной уголовно-правовой реакции, в том числе отражающей осознание государством общественно опасного характера рассматриваемого делинквентного поведения.

Список источников

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Захаров, 2012. 493 с.

References

1. Pipes, R. 2012, *Russia under the old regime*, Zakharov, Moscow.

¹ См.: О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : указ Президента Рос. Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1465; О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 // Там же. Ст. 1466.

Информация об авторе

М. С. Дулкарнаев – заместитель руководителя (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан), соискатель (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Information about the author

M. S. Dulkarnaev – Deputy Head (Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan), Postgraduate Student (Kazan (Volga Region) Federal University).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.